

УДК 323.2

Мартынов М.Ю.

Сургутский государственный университет

*628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1,
Российская Федерация*

КРИЗИС ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются возможности использования марксистской методологии исследования всемирно-исторического процесса для изучения этапов развития кризиса капиталистического общества. Его современный этап рассматривается как продолжение кризиса, начавшегося в XIX в. Описаны особенности проявления основного противоречия капитализма – между трудом и капиталом – в условиях перехода к цифровой экономике. Делается предположение о появлении новых социальных и политических сил, способных обеспечить разрешение общественных конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

марксизм, методология марксизма, капитализм, кризис капитализма, гражданское общество.

M. Martynov

Surgut State University

1 Lenina pr., Surgut 628412, Tyumen region, Khanty-Mansiyskiy Avtonomnyy Okrug-Yugra, Russian Federation

THE CRISIS OF CIVIL SOCIETY AND THE THEORY OF CAPITALISM (ON THE OCCASION OF KARL MARX 200TH ANNIVERSARY)

ABSTRACT

The article scrutinizes the possibility of using the Marxist methodology of researching the world historical process for studying the stages of crisis development in capitalist society. Its modern stage is considered to be sequential of the 19th century crisis. The features of basic contradiction manifestation of the capitalism – between labor and capital – are described in the context of transition to the digital economy. The author assumes that new social and political forces capable to ensure the social conflicts resolution might arise.

KEY WORDS

Marxism, the methodology of Marxism, capitalism, the crisis of capitalism, civil society.

Получившие распространение в XIX в. историософские концепции в следующем XX в., казалось, были полностью погребены под победной поступью позитивизма. Обращение Ф. Фукуямы к этой тематике выглядело, скорее, эпизодом иллюстративного характера, призванным поставить точку не только в конце истории, но заодно и в историософских исканиях. Однако в начале XXI в. словно из ящика Пандоры начали являться такие глобальные беды и проблемы, что пресловутый конец истории стал обозримым уже не только в переносном, но и в буквальном смысле этого выражения. Актуализировались старые «вечные» вопросы: что движет современным миром, каково направление этого движения и что нас ждёт в ближайшем будущем, если оно всё-таки состоится? И, главное, как в это будущее попасть, кто тот исторический субъект, который сможет открыть в него дверь?

Как бы ни был многолик современный мир, какие бы формы он ни принимал, следует признать, что по своей сущности он как был, так и остаётся капиталистическим. И, значит, начинать искать ответ на озвученные вопросы мы должны в его теории. Но такой единственной научной теорией капитализма, опять-таки, как был, так и остаётся марксизм.

Нет смысла перечислять попытки ревизии, пересмотра или даже полного его опровержения. И при этом настоящего развития марксистская теория так и не получила, поскольку плохую шутку с ней сыграли идеологические обременения. Одни в любой попытке такого развития видели покушение на идеологические устои. Другие, в общем-то справедливо полагая, что именно теория даёт этой идеологии силу, не просто выплескивали младенца с водой, а старательно топили его. Даже неомарксизм почему-то видел перспективы этого учения не столько в движении вперёд, сколько назад – к аутентичному Марксу.

Но критика марксизма строилась не только на позитивистских гносеологических парадоксах в кантианском русле, но и, казалось бы, на вполне очевидном факте опровержения его футуристических прогнозов реальной практикой, которая, как следует из самого марксистского учения, единственный критерий истины. Реальный же факт заключался в том, что всемирная коммунистическая революция, неизбежность которой, вроде бы, была доказана классиками марксизма с научной точностью и которая ожидалась уже при их жизни, так и не произошла. Более того, вся последующая практика, включая XX в., не давала вообще никаких намёков на возможность развития мировой истории по марксовому сценарию, а крах системы социализма, казалось бы, должен был поставить точку и на марксизме, в частности на вере в возможность существования макросоциологических закономерностей, теоретически описывающих исторический процесс вообще. Не надуманная теория, а практика доказывала, что общественное развитие заканчивается не утопическим коммунизмом, а реальным капитализмом – единственным способом производства, эффективно обеспечивающим и само производство, и мирное разрешение социальных противоречий инструментами де-

мократической политической системы. И это к концу XX в. стало выглядеть бесспорной истиной.

Но как обычно и бывает в научном познании, появление новых фактов опровергает, казалось бы, окончательно сложившиеся представления. Таким фактом стала стагнация к началу XXI в. капиталистического способа производства. Капитализм достиг предела своего развития. Начиная с 1990-х гг., «впервые за всё время наблюдений процесс накопления богатства перестал сам по себе сопровождаться решением основных проблем, стоящих перед человечеством» [3, с. 298]. И вместе с этим капитализм до крайности обострил все противоречия, особенно между развитыми странами и остальным миром. «...Высосав из “третьего” и особенно “второго” (бывшего социалистического) мира значительные материальные, финансовые и человеческие ресурсы, развитые страны начинают замыкаться для переваривания этих ресурсов .... При этом происходит предусмотрительное отгораживание развитых стран от волны неблагополучия, которая вызывается в остальном мире потерей этих ресурсов» [3, с. 258]. В результате, по данным ООН, на сегодняшний день на планете 1,2 млрд. чел. страдают той или иной болезнью, потому что просто голодают, а втрое больше людей недоедают [3, с. 302]. В результате сегодня капиталистическая «миросистема оказывается в состоянии острого морального и институционального кризиса» [2, с. 139].

Начался же он именно тогда, когда К. Маркс его и описал – в XIX в. Другое дело, что он был в тот момент прерван. Причём прерван очень радикальными мерами – формированием, в первую очередь в европейских странах, фашистских режимов. И созданы они были капиталистическим классом. Крупный капитал фашизм профинансировал, а мелкий и средний капитал составил социальную основу и политическую силу. Фашизм должен был решить задачу ликвидации рабочего и коммунистического движения, а также поставить государственные институты на обслуживание интересов крупной национальной буржуазии.

Фашистский период дорого обошёлся Европе и всему миру, но он позволил выиграть время и подготовить почву для трансформации прежней капиталистической системы в её современную форму.

Иногда говорят, что это был переход от «дикого» капитализма XIX в. к цивилизованному, «кейнсианскому» с «человеческим лицом» и социальным государством. Однако на самом деле капитализм всегда является «диким», и изменение его облика в XX в. произошло не в силу «внутреннего переорождения», а за счёт изменения внешних условий функционирования. Была сформирована «мир-системная» экономика, которая путём создания финансового механизма эксплуатации периферии обеспечила экономическое процветание ядра этой капиталистической «мир-системы». Но то, что внешне выглядело как результат преимуществ капиталистического способа производства, на самом деле было лишь следствием ситуационного изъятия ресурсов

в пользу «развитых стран». Для прочих стран это изъятие обернулось накоплением экономических и социальных проблем, бурно дающих знать о себе в последние годы в виде конфликтов, особенно в Передней Азии и Африке.

Сегодня в результате финансиализации капитализм носит всё более паразитический характер, автоматически предопределяя такой же характер экономики развитых стран. Как пишет современный российский исследователь Р.С. Дзorasов, ответом капитализма на «кризис его послевоенной модели развития стало резкое усиление эксплуатации периферии. Формирование глобальных цепочек производства свидетельствует об увеличении фонда трудовой стоимости периферии, безвозмездно присваиваемого центром. Только на этой основе и может существовать финансиализированный капитализм. Паразитический, финансово-спекулятивный капитал, возглавляющий мировой капитализм, по существу, занят присвоением и перераспределением прибавочной стоимости в мировом хозяйстве в пользу его центра. Кризис в таких условиях является кризисом всей системы в целом, а не той или иной его отдельной части, т. е. охватывает противоречивый *симбиоз* центра и периферии, взятых в их единстве» [5, с. 65].

Характеристика паразитизма крупной частной собственности и порожаемых им противоречий, данная в своё время марксизмом, и сегодня звучит очень современно: «На одной стороне – несметные богатства и избыток продуктов, которыми не в силах овладеть покупатель. На другой стороне – громадная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому оказавшаяся не в состоянии присваивать избыток этих продуктов. Раскол общества на немногочисленный непомерно богатый класс и на огромный неимущий класс наемных рабочих приводит к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, в то время как огромное большинство его членов едва защищено или совсем не защищено от крайней нужды. Такое состояние общества становится все более нелепым и все более ненужным» [7, с. 151, 152].

К. Маркс отмечал, что ни один общественный строй не погибнет раньше, чем разовьются его производительные силы. Как оказалось, в XIX в. эти возможности развития производительных сил в условиях капитализма ещё не были исчерпаны. Но к началу XXI в., похоже, пределы роста имманентных капитализму производительных сил достигнуты.

В чём заключается суть основного противоречия, взрывающего изнутри капиталистическое общество? К. Маркс описывает его как конфликт между общественным характером производства и частной формой присвоения. И этот конфликт остаётся сегодня тем же, что был и в начале XIX в.

Более того, он приобрёл сегодня особую остроту, потому что средством накопления капитала стало сегодня не столько производство, сколько использование неэкономических форм – власти. Современные специалисты в области политической экономии Шимшон Бихлер и Джонатан Нитцан пря-

мо называют нынешний капитализм формой власти [1, с. 397]. Стремление к монополии на власть обеспечивается монополией на капитал. В результате, например, почти половина национального дохода в США приходится на высшие классы, составляющие 10% от населения страны [1, с. 411].

Одновременно стремление к максимальному увеличению властного ресурса – капитала – заставляет «экономить» на удовлетворении общественных потребностей. Поэтому необходимое общественное производство быстро сокращается.

В марксистской фразеологии это называется «производственные отношения становятся тормозом на пути развития производительных сил». Шимшон Бихлер и Джонатан Нитцан, описывая, по сути, это же явление, используют термин «саботаж промышленности». Они пишут: «Саботаж со стороны бизнеса сказывается как на направлении, так и на темпах развития промышленности ... Наиболее очевидным его следствием является прогрессирующее закабаление миллиардов людей (в том числе на уровне сознания) для служения капиталистическому молоху, зацикленному на наживе, а также сопутствующее ему подавление творческого начала как на уровне индивида, так и на уровне общества. И это только начало. Среди примеров воздействия бизнеса на промышленность можно назвать систематический демонтаж системы общественного транспорта в США и ряде других стран в пользу рынка частных автомобилей (с катастрофическими последствиями для окружающей среды); разработку фармацевтическими компаниями дорогостоящих средств для лечения от реальных болезней, которыми в основном страдают малоимущие, не имеющие денег на лечение; активное продвижение на мировом рынке полуфабрикатов и фастфуда в ущерб здоровому питанию; распространение авторских прав на информацию общественной значимости вместо ее бесплатного и беспрепятственного распространения; разработку высокотехнологичными компаниями военной продукции вместо развития экологически чистой и возобновляемой энергетики; создание химическими и биотехнологическими компаниями типовых генномодифицированных организмов и растительных культур вместо поддержания биологического разнообразия; навязываемую властями и торговцами недвижимостью экспансию социально-обособленных жилых пригородов вместо разумной урбанизации на принципах всеобщего участия и экологической ответственности: производство телекомпаниями программ, рассчитанных на самый нетребовательный вкус и скорее подавляющих, а не стимулирующих критическое мышление. И это ещё далеко не полный перечень» [1, с. 402, 403]. Исследователи делают вывод, что «текущий кризис отличает атмосфера системного страха. Капиталистами сегодня владеет даже не уверенность или нервозность, а страх. Их тревога связана не с каким-то отдельным аспектом капитализма, а с перспективами его существования как такового. Многие из них опасаются, что сам капиталистический строй может не пережить этот кризис, по крайней

мере в своем нынешнем виде» [1, с. 408]. Единственный способ дальнейшего расширения власти для капитала заключается в применении ещё большей степени насилия, высшим проявлением которого является война [1, с. 412].

Сосредоточив в одних руках огромные ресурсы, капитал тем самым лишил этих ресурсов всех остальных. Фактически это означает приговор гражданскому обществу. Напомним, что основоположники теории гражданского общества рассматривали его как частную сферу, независимую в первую очередь в силу обладания собственными ресурсами. Теперь эти собственные ресурсы исчезают. Меры государственной, грантовой и прочей поддержки гражданского общества дают возможность лишь имитировать его существование.

Коммунизм как общество, следующее за капитализмом, классиками марксизма, справедливо полагавшими, что жизнь сама подскажет формы её организации, описано довольно схематично. Но если отвлечься от вполне извинительных утопических наслоений, то основным признаком такого общества становится максимально рациональное использование его производительных сил.

Идеи более рационального использования ресурсов для развития производительных сил с неизбежным отстранением от управления производством менеджеров крупного капитала стали активно развиваться в технократических теориях второй половины XX в. И если для капиталистической системы перспективы их реализации были близки к нулю, то для СССР и стран социализма переход к технократическому обществу выглядел более реалистично.

Однако здесь в дело вмешался политический фактор. Для номенклатуры было невыносимо видеть, как, несмотря на контроль над громадными средствами производства, она получает лишь мизер на личное потребление. Это противоречие было устранено ходе реформ 1990-х гг. путём присвоения государственной собственности частными лицами («стратегическими собственниками», по выражению А. Чубайса). Тем самым Россия, так же как и все бывшие страны социализма, вошла в капиталистическую систему, приняв её основное противоречие и обретя с ней общую судьбу.

В период реформ в 1990-х гг. страна вступала, хотя и имея множество экономических проблем, в качестве индустриальной державы с достаточно высоким уровнем развития науки, образования, квалификации рабочей силы, а вышла из него сырьевывозящей страной с падающим уровнем образования, науки и качества жизни. Для решения любых проблем – технологического перевооружения, возрождения геологоразведки, освоения Арктики, повышения пенсий и т. д. – в экономике страны элементарно нет средств.

Частная собственность сама по себе не является ни панацеей от всех экономических бед, ни, наоборот, абсолютным источником зла. Она не более чем инструмент распределения функций людей в ходе общественного про-

изводства. И от самих людей зависит характер использования этого инструмента. В современном мире, в том числе в России, она стала приобретать всё более разрушительный характер. Причём нельзя сводить частную собственность, являющуюся общественным отношением, к её формальному юридическому определению. Например, созданные в России госкорпорации, юридически являясь государственными, по своему существу остаются частными, обеспечивая присвоение прибавочной стоимости частными лицами.

Апологеты современного капитализма панацею от его бед видят в технологическом прогрессе, в частности в переходе к цифровой экономике. Вслед за провозглашённой в 2011 г. американским экономистом Джереми Рифкиным третьей технологической революции уже в 2016 г. в Давосе была объявлена подготовка к четвёртой промышленной революции. Она должна интегрировать все технологии третьей промышленной революции на базе искусственного интеллекта, Интернета вещей и робототехники. Например, Япония всё общество переводит на цифровую основу, даже парламент будет цифровым. При этом предполагается, что «искусственный интеллект, технологии больших данных определяют узлы социального неравенства и будут их развязывать» [10, с. 3].

Однако последнее очень сомнительно. Социальные противоречия создаются не технологиями, а отношениями между людьми. Не машины вступают в отношения друг с другом в процессе производства, а люди, и в первую очередь – по поводу собственности. Согласно марксистской политэкономии, собственность – это не сами вещи, а отношения между людьми по поводу вещей. Вещь важна для собственника не сама по себе, а тем, что отсутствие этой вещи у другого позволяет присваивать его труд, а также социально контролировать его. Это значит, что в таком обществе собственники основных средств производства должны строго следить, чтобы на другом социальном полюсе всегда существовала экономическая нужда. И эти отношения никакие технологические революции не изменят. Наоборот, они, в том числе цифровая экономика, будут лишь усугублять социальную дифференциацию и социальные проблемы. «Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта изо дня в день возрастающая в неслыханных до сих пор размерах производительность человеческого труда создают, в конечном счете, конфликт, от которого должно погибнуть современное капиталистическое производство», – писал К. Маркс [8, с. 113].

Уже сегодня уровень развития современных технологий достаточен для того, чтобы создать производство, способное обеспечить достойную жизнь всем членам общества. Однако в этом случае исчезнет та экономическая нужда, которая удерживает людей на этажах «социальной пирамиды». И этого никакие промышленные революции не изменят.

Единственное направление, в котором цифровая экономика реально может способствовать снижению социальной напряжённости – это использование её возможностей для искусственного понижения уровня реальных

потребностей. Результатом становится формирование псевдопотребностей путём создания индустрии развлечений и замены познавательного смысла образования псевдообразовательными продуктами. Вместо «закона возвышения потребностей», способствующего развитию производительных сил на этапе прогресса, на этапе регресса начинает действовать закон «искусственного понижения потребностей».

Но тем самым крупный капитал всё более превращается в тормоз развития основного элемента производительных сил – личностных сил человека. Возникает масса, которая в силу искусственного понижения уровня потребления, сопровождаемого неразвитостью сущностных человеческих качеств, не нужна в современном производстве. И это самое страшное следствие функционирования устаревшей общественной системы на сегодняшний день.

Вытолкнутая из реального общественного производства масса населения получила в современной социологии название прекариат. Известный отечественный социолог Ж.Т. Тощенко так описывает этот новый социальный слой – людей, у которых нет будущего: «Мир столкнулся с новым видом отчуждения, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. Место пролетариата занял прекариат, положение которого во многом схоже с тем, что занимал рабочий класс в XVIII–XX вв. Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоёв современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределенных социальных институтов» [12, с. 8]. Формирование прекариата ознаменовало достижение высшей степени экономического отчуждения, о котором говорил К. Маркс.

Нередко причину образования слоя «лишних» людей на производстве увязывают с роботизацией, заменяющей труд людей. Потеря рабочих мест в результате роботизации согласно такой «концепции» выглядит неизбежным следствием технического прогресса. На самом деле социальные последствия технологических изменений полностью определяются характером общественной системы. На восходящей стадии общественного развития прогресс технических устройств идёт рука об руку с совершенствованием трудовых навыков и системы образования. На стадии же стагнации отжившие общественные отношения, каковыми на сегодняшний день являются капиталистические, выступают причиной социальных проблем, а научно-технический прогресс их лишь подчёркивает и усугубляет.

Если в информатизации и роботизации стараются увидеть панацею от болезней современного общества, то в качестве главного «врага» экономики

общественное мнение выбрало коррупцию. Однако на самом деле потери от коррупции ничтожны по сравнению с вполне легальным способом изъятия ресурсов из системы общественного производства, описанным Марксом под названием «получение прибавочной стоимости», путём отчуждения результатов труда основной массы населения в пользу небольших групп людей – собственников основных средств производства.

Например, даже проблемная поздняя социалистическая экономика с её фондом общественного потребления и фондом развития предприятий была на порядок прогрессивнее нынешней российской, где все фонды поглотил один – личного потребления собственника средств производства. Вывоз капитала, «складирование» его в зарубежных банках и жизнь на проценты стали основным видом экономической активности российской буржуазии.

В результате «русский собственник присваивает не предпринимательскую прибыль, а краткосрочную инсайдерскую ренту, т. е. доход, извлекаемый за счёт контроля над финансовыми потоками предприятия. Механизм вывода ренты чаще всего связан с использованием подставных торговых компаний, зарегистрированных в офшорах. Компрадорский характер нашего крупного бизнеса, характерный для стран периферийного капитализма, проявляется в систематическом вывозе капитала за рубеж в виде низкорискованных сбережений. Таким образом, доминирующая форма дохода в отечественном крупном бизнесе отражает место России в мировой капиталистической системе. Свойствами инсайдерской ренты объясняются основные микро- и макроэкономические процессы, протекающие в российской экономике» [4, с. 53].

По данным отечественных социологов, «официальный децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых без учёта доходов топ-менеджеров и олигархов) составляет 1:16, хотя, по экспертным данным, он составляет 1:30, а в Москве – 1:45/50. 3% населения владеют 70% национального богатства, и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к увеличению, а в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов» [12, с. 10].

Вместо обещанного превращения в «капитанов экономики» представители класса современных капиталистов, в том числе в России, стали обычными рантье. Но у рантье одна судьба – быть сметёнными новым способом производства, как это произошло с предшественниками буржуазии – средневековой аристократией.

Вопрос лишь в том, кто может стать тем историческим субъектом, который выступит «могильщиком» капитализма в новых исторических условиях. И здесь вновь в описании закономерностей исторического процесса стоит обратиться к методологии марксизма. По Марксу, исторически прогрессивный класс – это тот, который связан с самым передовым общественным производством. В его времена таким классом выступал индустриальный пролетариат, а кто им должен стать в наше время?

Сегодня мир вступает в цифровую эпоху, и логично предположить, что в век цифровой экономики такой социальной группой будет являться класс ИТ-специалистов. Это высокопрофессиональная группа людей, по сути, технологически контролирующая все сферы общества, от бытовой до военной.

Причём численность ИТ-класса в современном мире постоянно растёт. Исследователи предлагают использовать два варианта определения состава рынка труда и численности специалистов в сфере ИТ: собственно ИТ-специалисты («узкое») и ИТ-компетентные («широкое»), включающее специалистов, обладающих профессиональными ИТ-компетенциями, в других секторах экономики. В первом случае в развитых странах доля этой социальной группы насчитывает 2–5%, во втором случае – уже 20–28% [6, с. 22, 23].

При этом, так же как и пролетариат XIX в., современный ИТ-класс – самый интернациональный. Мир глобальных ИТ-технологий не знает границ, да и в миграционном смысле это наиболее динамичная группа [11, с. 69].

Материальное положение ИТ-специалистов относительно других групп населения достаточно хорошее. Но субъективное восприятие этого положения ими оценивается весьма низко, как несоответствующее количеству и качеству труда, затрачиваемого и на обучение, и на актуальную работу¹. В ещё меньшей мере удовлетворяют представителей этой социальной группы возможности карьерного роста, о чём свидетельствуют, например, результаты исследования, которое проводилось в 2014 г. по заказу компании SAP в партнёрстве с ВЦИОМ [9, с. 51].

Другое дело, что сегодня эта социальная группа не представляет собой никакого политического субъекта. Но напомним, что и в пролетариате до Маркса никто не видел потенциала революционного созидательного класса, точно так же как до этого мало кому пришло бы в голову утверждать, что буржуа составят политическую конкуренцию аристократии. В политических баталиях переходных эпох, спеша поделить скукоживающиеся ресурсы, бьются, как правило, социальные группы прежнего мира. Удел действительно революционного класса – незаметно «произрастать» из плоти уходящего строя.

Не стоит обманываться и разрозненностью членов социальной группы ИТ-класса. Они действительно могут «принадлежать» разным предприятиям, структурам, но именно люди, не просто проводящие время в сетях, но контролирующие их технологию, неизбежно будут тяготеть к объединению. Уже сегодня можно говорить о сложившейся субкультуре ИТ-специалистов со своим сленгом, мифологией, символическими представлениями, отражающими отношение к политике, власти, работодателям и пр.

Но главное, что будет способствовать их объединению помимо общих технологических цепочек – одинаковый экономический интерес. На сегодняшний день ИТ-специалисты – наиболее эксплуатируемая социальная груп-

¹ Характерно, что в сленговых оборотах субкультуры ИТ-специалистов название места работы именуется обычно не иначе как «галера».

па. Именно их эксплуатация в силу высокой стоимости производимого продукта создаёт для владельцев собственности максимальную прибавочную прибыль. Эта прибыль ещё более возрастает в силу заниженной оценки стоимости труда. Очевидно, что и первыми требованиями после образования первых политических объединений станут экономические, традиционно для любого революционного класса оборачиваемые во фразеологию о «восстановлении социальной справедливости».

Критики Маркса считают, что его теория прибавочной стоимости не учитывает, что предпринимательский труд, труд по управлению, организации производства также является источником ценности товара, создаёт доход, поэтому его вознаграждение также выглядит справедливым. Для эпохи Маркса в этом рассуждении был определённый смысл, поскольку уровень образования владельца капитала или его управляющего в большинстве случаев оказывался выше, чем у пролетариев. Но в современной цифровой цивилизации ситуация принципиально изменилась. Нынешние менеджеры капитала, отличающиеся низкой цифровой грамотностью, – продукты уходящей эпохи, вынужденные уступать место классу, олицетворяющему технологический прогресс.

Этому классу ИТ-специалистов предстоит пройти такой непростой путь, описанный Марксом, как превращение из «класса в себе» в «класс для себя». Столь же очевидно, что его первыми действиями станут экономические требования, создание организаций по типу профсоюзных с дальнейшей эволюцией к политическим требованиям и политической идеологии. Но рост политического влияния этого класса неизбежен в силу объективной неизбежности развития ИТ-технологий. Точно так, как когда-то, по известному выражению классиков марксизма, «с развитием крупной промышленности из под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит, прежде всего, своих собственных могильщиков» [8, с. 118–119], сегодняшняя цифровая революция формирует «второе издание» революционного класса, призванного разрешить общественные противоречия.

Сегодня марксизм – это в первую очередь методология анализа общественных отношений. Критикой существующих порядков в любую эпоху не занимается только ленивый. Но лишь эта методология даёт возможности понимания глубинных социальных противоречий и обнаружения исторического субъекта, способного их разрешить, «класса, который по условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранит всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще» [13, с. 10]. И хотя история показала сложность, может быть, даже недостижимость этой конечной цели, это никоим образом не отменяет значения методологии, нацеленной на научный поиск путей выхода из общественного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бихлер Ш., Нитцан Дж. Капитализм как форма власти // 22 идеи о том, как нам обустроить мир: беседы с выдающимися учёными / под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы. М.: Издательство Московского университета, 2014.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: курс лекций. М.: ИНФРА-М, 2003. 768 с.
4. Дзарасов Р.С. Кризис капитализма и общественный строй новой России // Политические исследования. 2011. № 4. С. 41–59.
5. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости // Альтернативы. 2013. № 2. С. 58–65.
6. ИТ-кадры 2010. Аналитическое исследование Центра REAL-IT по инициативе Ассоциации Предприятий Компьютерных и Информационных Технологий (АПКИТ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.apkit.ru/files/personal2009_final.pdf (дата обращения: 01.04.2018).
7. Маркс К. Наёмный труд и капитал. Введение Ф. Энгельса к изданию 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1966. С. 144–180.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 107–113.
9. Проблемы развития кадрового потенциала в ИТ-отрасли стран Евразийского Союза [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-10-16-kadryIT.pdf (дата обращения: 01.04.2018).
10. Слово и цифра: беседа Александра Проханова с Владимиром Овчинским // Изборский клуб. 2017. № 8 (54). С. 2–11.
11. Смирнова Е.М. Подходы к изучению международной миграции высококвалифицированных специалистов: механизмы, перспективы, последствия // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 66–75.
12. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
13. Энгельс Ф. Карл Маркс // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Госполитиздат, 1956. С. 1–12.

REFERENCES

1. Bichler Sh., Nitzan J. [Capitalism as a form of power]. In: Dutkiewicz P., Sakwa R., eds. *22 idei o tom, kak nam obustroit' mir: besedy s vydayushchimisya uchenymi* [22 ideas on how we could improve the world: conversations with outstanding scientists]. Moscow, Publishing house of Moscow University Publ., 2014.
2. Vallerstain I. *Posle liberalizma* [After liberalism]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 256 p.
3. Delyagin M.G. *Mirovoi krizis: Obshchaya teoriya globalizatsii* [World crisis: General theory of globalization]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 768 p.
4. Dzarasov R.S. [The crisis of capitalism and the social order of the new Russia]. In: *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2011, no. 4, pp. 41–59.
5. Dzarasov R.S. [National capitalism: development or imposition of backwardness]. In: *Al'ternativy* [Alternatives], 2013, no. 2, pp. 58–65.

6. *IT-kadry 2010. Analiticheskoe issledovanie Tsentra REAL-IT po initsiative Assotsiatsii Predpriyatii Komp'yuternykh i Informatsionnykh Tekhnologii (AP KIT)* [IT staff 2010. An analytical study of the Centre for REAL-IT at the initiative of Association of Computer and Information Technology Enterprises (Association of Computer and Information Technology Enterprises)]. Available at: http://www.apkit.ru/files/personal2009_final.pdf (accessed: 01.04.2018).
7. Marx K. [Wage labour and capital. Introduction by F. Engels to the edition of 1891]. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1966, pp. 144–180.
8. Marx K., Engels F. [The Communist Manifesto]. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 107–113.
9. *Problemy razvitiya kadrovogo potentsiala v IT-otrasli stran Evrazijskogo Soyuza* [Problems of human resources development in the IT industry of the Eurasian Union]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-10-16-kadryIT.pdf (accessed: 01.04.2018).
10. [A word and a figure: conversation between Alexander Prokhanov and Vladimir Ovchinsky]. In: *Izbornskii klub* [Izbornskiy club], 2017, no. 8 (54), pp. 2–11.
11. Smirnova E.M. [Approaches to the study of international migration of the highly skilled specialists: mechanisms, prospects, consequences]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2016, no. 3, pp. 66–75.
12. Toshchenko Zh.T. [Precariat – a new social class]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 6, pp. 3–13.
13. Engels F. [Karl Marx]. In: *Vospominaniya o Markse i Engel'se* [Memories of Marx and Engels]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, pp. 1–12.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.05.2018

Статья размещена на сайте: 11.07.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Сургутского государственного университета; e-mail: martynov.mu@gmail.com

Mikhail Yu. Martynov – Doctor of Political sciences, associate professor, chief researcher, Surgut State University; e-mail: martynov.mu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мартынов М.Ю. Кризис гражданского общества и теория капитализма (к 200-летию со дня рождения К. Маркса) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Martynov M.Yu. The crisis of civil society and the theory of capitalism (on the occasion of Karl Marx 200th anniversary). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.